

египетский логос, цельность которого можно объяснить только тем даром гениального рассказчика, которым обладал Геродот³⁴.

Но главным все же были его личные впечатления от путешествия. В рассказе о Родопис (II, 135) мы находим характерное замечание: «Публичные женщины в Навкратисе вообще прелестны». Это невольно вырвавшееся признание является воспоминанием путешественника о наиболее запомнившихся ему явлениях жизни этого своеобразного города, где бок о бок жили греки из различных государств Эллады и туземцы-египтяне.

Геродот уделил Египту больше внимания, чем другим странам. Причину называет он сам в начале своего изложения «египетского логоса»: «... я перейду к рассказу о Египте, более пространному, ибо он включает в себе больше чудес, чем любая другая страна, и сооружения большие, чем вообще можно описать, сравнительно с любой другой страной...» (II, 35). По многим причинам как экономического, так и политического характера греки интересовались Египтом больше, чем любой другой страной Ближнего Востока.

Н. М. ЕЛИЗАРОВА

ВЫСТУПЛЕНИЯ РАБОВ И УГНЕТЕННЫХ НАРОДОВ РИМСКИХ ПРОВИНЦИЙ (ПО ДАННЫМ ЦИЦЕРОНА)

Долгое время буржуазная историография избегала изучения классовой борьбы и борьбы угнетенных народов против римского господства. Если и упоминались восстания рабов, то только как эпизодические, случайные явления для римской жизни. Провинции представлялись цветущими и довольными римской опекой, а присоединение их к Риму—благом для провинциальных народов, так как Рим выполнял цивилизаторскую миссию по отношению к завоеванным странам.

За последние годы, однако, в буржуазной историографии возрос интерес к проблемам классовой борьбы и движениям покоренных народов. Прогрессивные западные ученые стре-

³⁴ V o g t J. Op. cit., p. 130: «...das zweite Buch inhaltlich und stilistisch eine Einheit bildet...»; A l y W. Op. cit., p. 60.

мятся показать роль классовой борьбы в античной истории¹. Даже реакционная буржуазная историография, которая стремится опровергнуть марксизм, вынуждена принимать во внимание существование классовой борьбы в античности². Проблема классовой борьбы и борьбы угнетенных народов становится, таким образом, одной из основных проблем, на которых наиболее отчетливо выявляются различные точки зрения и развивается острая идеологическая борьба.

Источники очень скупо освещают движения рабов и выступления провинциальных народов в 50—40 гг. I в. до н. э. Внимание античных авторов привлекают драматические события гражданской войны в Риме, на первое место выступает борьба Цезаря и Помпея. Тем важнее для нас каждое свидетельство античных писателей о борьбе угнетенных народов против Рима. Таким источником, который помогает в некоторой степени осветить интересующий нас вопрос, является литературное наследство Цицерона. Сведения Цицерона отрывочны, скудны, но, несмотря на это, дают довольно интересный материал для изучения данной проблемы. Некоторые свидетельства подтверждаются другими авторами, а иногда оказываются единственным источником.

Данные Цицерона о рабстве используются во многих работах. Однако специально изучению рабства по этим данным посвящена только одна работа Б. Больца³. В ней затрагива-

¹ Ср., например, статью Ш. Парена «Характер и специфика классовой борьбы в период классической античности» (*La Pensée*, Paris, 1963, № 108), написанную для «Второй недели марксистской мысли» в Париже, основное содержание которой — марксизм и общественные классы. См. также работу Бриссона о Спартаке (*I. P. V. G. I. S. S. P. Spartacus*, Paris, 1959).

² Если А. Хейсс на первой же странице своей работы выступает против положения «Манифеста Коммунистической партии» о том, что история общества есть история классовой борьбы (*A. Heuß. Der Untergang der römischen Republik und das Problem der Revolution. — Historische Zeitschrift*, 1956, Bd. 182, S. 1), то Лауфер пишет: «Мы должны определить основное социальное отношение между свободными и рабами в античном мире как скрытую противоположность, которая только при особых обстоятельствах вела в открытой борьбе. Поэтому современное понятие классовой борьбы в его точном смысле в данном случае неприменимо». *S. Lauffer. Die Sklaverei in der griechisch-römischen Welt. — XI Congres International des Sciences Historiques, Rapports II, Antiquite, Göteborg-Stockholm-Uppsala, 1960, S. 77*). В. Уэстерман и И. Фогт считают, что восстания рабов вызваны случайным стечением обстоятельств: массовый приток рабов, ухудшение их положения, жестокость отдельных рабовладельцев, рост пиратства, разорение свободных крестьян и т. д. (*W. L. Westermann: The Slave Systems of Greek and Roman antiquity. Philadelphia, 1955, p. 62; J. Vogt. Struktur der antiken Sklavenkriege. Mainz, 1967, S. 7—13*).

³ В. Bolz. *Niewolnicy w pismach Cicerona*: Poznan, 1963.

ется ряд проблем (взгляды на рабство до Цицерона и теория рабства в век Цицерона, Цицерон о юридическом положении рабов и др.). В начале своего труда автор говорит, что будет смотреть на рабство глазами Цицерона, избегая взглядов и оценок современности⁴. Разумеется, он не смог остаться на этих позициях и дал оценку взглядов Цицерона по тому или иному вопросу, но в отдельных случаях, действительно, ограничился констатацией фактов. Работа богата фактическим материалом, исчерпывающе полно подобраны свидетельства Цицерона по разбираемым вопросам. Наибольший интерес для изучения движений рабов представляет глава «Рабы как политический фактор», в которой Б. Больц разбирает сицилийские восстания рабов.

Литературное наследие Цицерона дает возможность рассмотреть ряд вопросов провинциального рабовладения. Прежде всего можно говорить, что в провинциях, как и в Италии, труд рабов использовался во всех отраслях хозяйства. Большой частью рабов в провинции использовали в сельском хозяйстве. В провинциях складывалось крупное землевладение, основанное на эксплуатации рабского труда. В нашем распоряжении очень мало данных для определения размеров земельной собственности, количества рабов у отдельных рабовладельцев в провинциях. Диодор говорит об использовании труда рабов в крупных земледельческих хозяйствах во II в. до н. э.⁵ Цицерон неоднократно упоминает об использовании рабов в хозяйстве крупных землевладельцев в Сицилии⁶, Галлии⁷, в Азии⁸. Применяли труд рабов в ремесле⁹, соляных промыслах¹⁰, гаванях¹¹, в доме рабовладельца¹², образованные рабы становились писцами¹³, чтецами, музыкантами¹⁴.

Из переписки Цицерона мы узнаем, что небольшая группа рабов находилась в привилегированном положении и пользовалась доверием своих господ¹⁵. Иногда им давались не толь-

⁴ Там же, стр. 8.

⁵ Diod., 34, 2, 27; 34, 2, 34.

⁶ Cic., 2 Verr., V, 15, 18; III, 120.

⁷ Cic., pro Quinc., VI—VII, 28; XXIX, 90.

⁸ Cic., de imp. Pomp., VI, 16.

⁹ Cic., 2 Verr., I, 91—92.

¹⁰ Cic., de imp. Pomp., VI, 16.

¹¹ Там же.

¹² Cic., 2 Verr., I, 67.

¹³ Cic., 2 Verr., I, 92.

¹⁴ Cic., in Caecil., XVII, 55.

¹⁵ Cic., ad Q. fr., I, 2, 3; ad Att., I, 16.

ко частные поручения господ, но и доверялось выполнение государственных функций. Однако Цицерон выступает против использования рабов на государственной службе, и брату, находившемуся в провинции Азии, он пишет: «Но если кто-нибудь из твоих рабов исключительно предан тебе, то используй его в домашних и частных делах, а к тем делам, которые касаются твоих служебных обязанностей и хотя бы в малой доле—государства, пусть он не имеет никакого отношения»¹⁶.

Веррес широко использовал для выполнения различных поручений в Сицилии рабов храма Венеры¹⁷. Они были посыльными, выполняли полицейские функции (приводили на суд неявившихся, стерегли их во время разбирательства) и даже выступали в роли откупщиков¹⁸. Цицерон особенно возмущен последним. Откупа составляли привилегию римских всадников, и оратор негодует, что эта привилегия нарушается Верресом, да еще передается не свободному, а рабу. Правда, из речи явствует, что раб Венеры Диогнет был подставным лицом, так как у него не было своего имущества и взять на свои средства откуп он не мог. Цицерон обвиняет Верреса в том, что через рабов Венеры он получил большие прибыли. Тем не менее у этих рабов была известная самостоятельность и, вероятно, большие возможности для выкупа. Они сами становились рабовладельцами, и иногда довольно богатыми, как например, Агонидя, отпущенница храма Венеры¹⁹. В ряде случаев рабовладельцы разрешали и рабам иметь рабов. Цицерон упоминает неоднократно викариев—рабов, принадлежавших рабам²⁰.

¹⁶ Cic., ad Q. fr., I, 17.

¹⁷ Хейвуд (P. M. Hауwood. Some Traces of Serfdom in Ciceros. Day.—Am. Jour. Philol., 1933, N 145) считает рабов храма Венеры крепостными на том основании, что они выступают в роли откупщиков, хотя одновременно отмечает, что юридически крепостного состояния в Риме не существовало. Законы признавали только рабов и свободных. Тем не менее Хейвуд утверждает, что во время Цицерона крепостные были на нероманизованной территории. Причислив рабов храма Венеры в Сицилии к крепостным, Хейвуд на основании этого делает заключение, что и служащие храма Марса в Ларине, упоминаемые Цицероном в речи «за Клуенция», тоже были крепостными. С мнением Хейвуда нельзя согласиться. У нас есть совершенно определенные указания Цицерона на рабское состояние служителей храма Венеры. Цицерон приравнивает их к государственным рабам в Риме (Cic., 2 Verr., III, 86).

¹⁸ Cic., 2 Verr., II, 92; III, 50; III, 55; II, 183; III, 86; III, 92; III, 89. Цицерон также обвиняет Пизона в том, что во время наместничества он «сделал публиканам своих рабов» (Cic., in Pis., 36).

¹⁹ Cic., in Caecil., XVII, 55—56.

²⁰ Cic., 2 Verr., I, 93; III, 86.

Исходя из данных Цицерона, можно утверждать, что рабы в провинциях стоили дешевле, чем в Италии. В речи за Квинция Цицерон говорит о Невии, имевшем рабов в Галлии и в Риме²¹. Один из доверенных Невия «вел из Галлии назначенных в продажу рабов»²². Следовательно, в Риме ему было выгоднее продать их, чем в Галлии, если он предпочитал доставлять их в Италию. Катулл говорит, что вошло в обычай привозить из провинции рабов²³. Один из римских дельцов Маллеол почти все свое состояние вывез в провинцию, приобретая там среди прочих богатств и большое количество рабов²⁴.

Римские законы, запрещавшие должностным лицам приобретать собственность в провинции во время магистратуры, вместе с тем разрешали покупать там рабов, правда, только взамен умерших в провинции²⁵. Наместники, однако, игнорировали ограничения и широко использовали только разрешение.

В провинциях рабы были дешевле, видимо, потому, что кроме всех обычных для Италии источников рабства (война²⁶, пиратство²⁷, рождение детей у рабынь²⁸), здесь имелась широкая возможность порабощения свободного населения, что законодательным путем было запрещено по отношению к римским гражданам. О продаже освобожденных провинциалов в рабство говорят Цицерон²⁹, Плутарх³⁰.

Цицерон нигде не указывает количества рабов, находившихся у рабовладельцев в провинциях, но очень часто говорит, что их было много. «Этот Вений встретился мне со своими двумя колясками... и многочисленными рабами»³¹. Г. Маллеол «оставил после себя множество искусных мастеров и немало красивцев-рабов»³². Многочисленных рабов имели откупщики³³. Вряд ли это просто риторический оборот оратора.

Скопление рабов в провинциях римские рабовладельцы

²¹ Cic., pro Quinc., VI—VII, 28; VI, 24.

²² Cic., pro Quinc., VI, 24.

²³ Catull., X, 13—19.

²⁴ Cic., 2 Verr., I, 91—93.

²⁵ Cic., 2 Verr., IV, 9.

²⁶ Cic., ad Q. fr., III, 7, 4; ad Att. IV, 16, 7; V, 20, 5; ad fam., VII, 24, 2; Plut., Caes., XV.

²⁷ Cic., de imp. Pomp., XII, 33.

²⁸ Varr., R. r., II, 10, 6—8.

²⁹ Cic., Pro Flac., 17; ad Q. fr., I, 2, 6.

³⁰ Plut., Luc., XX.

³¹ Cic., ad Att., VI, I.

³² Cic., 2 Verr., I, 91.

³³ Cic., de imp. Pomp., VI, 16.

считали опасным для себя и стремились усилить свою власть над ними. В письме к брату Цицерон пишет о необходимости сурового обращения с рабами прежде всего в провинциях. «Над ними мы должны властвовать всюду, а особенно в провинциях»³⁴. В речи о Манилиевом законе, выступая за предоставление чрезвычайных полномочий Помпею, Цицерон в качестве довода ссылается на страх рабовладельцев Рима перед возможным выступлением рабов, вызванным близостью враждебных войск азиатских царей³⁵. Чрезвычайными полномочиями наделяли римских магистратов не только для борьбы с внешним врагом, но и для подавления выступлений рабов и покоренных Римом народов.

Прежде всего римляне заботились о том, чтобы рабы не могли иметь оружия. Например, в Сицилии после подавления второго сицилийского восстания рабов все преторы, управлявшие Сицилией, неизменно включали в свой эдикт пункт — «ни один раб не имеет права носить оружие»³⁶. Цицерон приводит пример применения этого закона наместником Сицилии Домицием. «Луцию Домицию, во время его претуры в Сицилии, однажды принесли убитого опромного вепря; он с удивлением спросил, кто его убил; узнав, что это был чей-то пастух, он велел позвать его; тот немедленно прибежал в надежде на похвалу и награду; Домиций спросил его, как убил он такого огромного зверя; тот ответил — рогатиной. Претор тут же приказал его распять»³⁷. Цицерон воздерживается от оценки данного поступка, однако из заключительной фразы совершенно очевидно его отношение к нему. «Я только вижу, что Домиций предпочел прослыть жестоким, карая ослушника, а не, полустытительствуя ему, — беспечным»³⁸.

Цицерон замечает, что поступок Домиция был хорошо из-

³⁴ Cic., ad Q. fr., I, 1.

³⁵ Cic., de imp., Pomp., VI, 16.

³⁶ Cic., 2 Verr., V, 8.

³⁷ Cic., 2 Verr., V, 8.

³⁸ Cic., 2 Verr., V, 8. Анализируя этот эпизод, Б. Больц различает две стороны в отношении Цицерона к жестокости римских рабовладельцев и должностных лиц. Он пишет, что в практике Цицерон оправдывал быстрые, суровые меры, которые римляне применяли в войнах с рабами, но внутреннее чувство человечности мешало ему признавать такую жестокость и безоговорочно соглашаться с политикой Рима в Сицилии (Ук. соч., стр. 75). Первая позиция Цицерона Б. Больцем убедительно доказывается. Цицерон видел в восстаниях рабов угрозу собственности зажиточных слоев, к которым сам принадлежал (стр. 75). Вторая остается предположением и основывается только на том, что Цицерон воздержался от оценки поступка Домиция.

вестен каждому римлянину. Видимо, его считали достойным подражания и позаботились о том, чтобы в Риме о нем узнали. Даже рогатина в руках раба, использованная для борьбы со зверем, была опасна для римлян и рассматривалась как возможное оружие против них.

Наиболее распространенной формой классовой борьбы рабов было бегство³⁹. Бежавшие рабы искали убежища в храмах. Однако римляне очень мало считались с правом храмового убежища. Квестор М. Аврелий Скавр хотел увести бежавшего от него раба из храма Дианы Эфесской. Ему дыгались помешать знатный эфесец Перикл, которого Скавр вызвал в Рим на суд⁴⁰. Вмешательство знатного эфесца Е. М. Штаерман считает проявлением постоянно тлевшей оппозиции провинциалов против римлян⁴¹.

Рабы, бежавшие от своих хозяев в Риме, стремились поскорее выбраться за пределы Италии и устремлялись в провинции, рассчитывая, что там легче будет скрыться. Дионисий, раб Цицерона, бежал в Иллирию, где «говорил, что он отпущен... на свободу»⁴². В Киликию бежал раб Аттика⁴³. Лицин, раб трагика Эзопа, бежал в Афины, затем в Азию и выдавал себя там за свободного. Когда из письма его господина стало известно, что он бежал, его схватили и передали под стражу в Эфесе. Цицерон просит брата Квинта, наместника Азии, привезти бежавшего раба в Рим «со всей предосторожностью, хотя бы при себе»⁴⁴. Видимо, Цицерон и хозяин раба боялись, как бы Лицин не бежал вторично. Считая бегство раба «преступлением и дерзостью»⁴⁵, Эзоп, по всей видимости, собирался казнить раба, так как Цицерон пишет о Лицине «ведь мало стоит тот, кто уже ничто»⁴⁶.

³⁹ Cic., 2 Verr., IV, 112; ad fam., IV, 12, 3; V, 9, 2; ad Att., V, 15, 3; VI, 1, 13. Лауфер вообще не считает побег рабов или убийства ими рабовладельцев проявлением классовой борьбы, так как в данном случае рабы не выступали против рабства в целом, а только против индивидуальных случаев угнетения. (Ук. соч., стр. 75). Несостоятельность этого положения Лауфера показана в обзоре Г. Г. Дилигенского. «Проблемы истории античного рабства» на XI международном конгрессе исторических наук в Стокгольме. — ВДИ, 1961, № 2, стр. 126.

⁴⁰ Cic., 2 Verr., I, 85.

⁴¹ Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской Республике. М., 1964, стр. 219.

⁴² Cic., ad fam., XIII, 77, 3.

⁴³ Cic., ad Att., V, 15, 3; VI, 1, 13.

⁴⁴ Cic., ad Q. fr., I, 1, 14.

⁴⁵ Cic., ad Q. fr., I, 2, 14.

⁴⁶ Cic., ad Q. fr., I, 2, 14.

Долгое время убежищем для беглых рабов являлась Сицилия — самая близкая к Италии провинция. О массовом бегстве рабов в Сицилию свидетельствует надпись⁴⁷ претора (относящаяся к середине II в. до н. э.), разыскавшего и возвратившего итальянским рабовладельцам 917 рабов.

Рабы не только бежали от своих господ, но и убивали их. У Цицерона нет прямых указаний на убийство рабами рабовладельцев, но в случае невыясненных убийств подозрение сразу падало на беглых рабов⁴⁸. В одном из писем Цицерон говорит, что после убийства в Греции бывшего консула Марка Марцелла, рабы его «бежали, пораженные страхом, оттого, что их господин был убит»⁴⁹. Страх расплаты за убийство рабовладельца у рабов вполне естествен. Кроме того, убийство господина создавало благоприятные условия для бегства рабов и рабы Марцелла могли воспользоваться этим обстоятельством.

Иногда сами рабовладельцы привлекали рабов для участия в борьбе среди свободных. В речи за Клуенция Цицерон с возмущением отмечает, что Невий, компаньон Клуенция, выгнал Клуенция из его галльского имения при помощи его же собственных рабов. «По твоему приказанию, рабы подняли руку на своего господина», — негодует Цицерон⁵⁰. Рабовладелец Цицерон до глубины души возмущен поведением Невия, призвавшего рабов выступить против господина.

Для разбоя и насилия в провинции вооружает своих рабов ставленник Верреса Рубрий, используя еще и рабов ликтора Верреса Корнелия. Богатый лампсакец Филодам, защищаясь от притязаний Верреса, «кликнул своих рабов... рабы Рубрия и хозяина вступили в драку»⁵¹. Такое использование рабов в качестве личной охраны становится уже обычным в Римской республике I в. до н. э. В. И. Ленин указывает, что «в условиях рабовладельческого общества рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но иногда не могли создать сознательно большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»⁵².

⁴⁷ CJL I² 638-Dessau 23.

⁴⁸ Cic., Brut., 22; 2 Verr., II, 62—63.

⁴⁹ Cic., ad fam., IV, 12. 3.

⁵⁰ Cic., pro Cluent., XXVII, 85.

⁵¹ Cic., 2 Verr., I, 67.

⁵² В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 449.

Самым опасным для римских рабовладельцев были, конечно, восстания рабов.

Долгие годы они не могли забыть сицилийских восстаний и восстания Спартака. Неоднократно Цицерон возвращается к этим событиям⁵³. Изучение сицилийских восстаний по данным Цицерона невозможно. Чаще всего он упоминает о них для сравнения своих политических противников — Клодия, Антония и Верреса — с вождем восстания Афинионом. Другие вожди восстания в Сицилии им не упоминаются. Из описания I сицилийского восстания у Цицерона можно почерпнуть только сведения о захвате рабами г. Энны⁵⁴.

Значительно чаще Цицерон упоминает II сицилийское восстание рабов. В 75 г. Цицерон был квестором в Лилибее. От II восстания рабов в Сицилии его отделяло всего 25 лет. Б. Больц предполагает, что информацию об этом восстании Цицерон получил во время своей квестуры, так как он ничего не говорит о восточной части Сицилии, а ограничивается операциями Афиниона с 104 по 101 гг., которые были связаны с городами Сегестой и Лилибеем⁵⁵.

Мнение Б. Больца убедительно. Действительно, у Цицерона фигурирует Афинион — вождь II сицилийского восстания рабов, действовавший в западной части острова. Цицерон называет его царем беглых рабов⁵⁶, совершенно не упоминая Сальвия (Трифона).

Цицерон представляет себе восстание продолжительным по времени и широким по размаху. К восстанию Цицерон относится явно отрицательно. Восставших он иначе не называет как «беглые варвары», которые «по всем своим качествам, были склонны скорее к злодейству, чем к благочестию»⁵⁷, «громадные шайки беглых рабов»⁵⁸ и т. д. Правда, помощники Верреса выглядят у Цицерона в сравнении с рабами еще хуже⁵⁹. Б. Больц замечает, что о восстании Цицерон говорит как адвокат, а не как участник событий⁶⁰.

С большим удовлетворением Цицерон отмечает:

⁵³ Cic., 2 Verr., I, 8; IV, 112; II, 27; II, 136; III, 66; III, 125; V, 3; ad Att., II, 12, 2; VI, 2, 8 de oratore, II, 28, 47.

⁵⁴ Cic., 2 Verr., IV, 112.

⁵⁵ В. Bolz. Ук. соч., стр. 70.

⁵⁶ Cic., 2 Verr., II, 136; III, 66.

⁵⁷ Там же, IV, 112.

⁵⁸ Cic., 2 Verr., III, 125; II, 27.

⁵⁹ Cic., 2 Verr., II, 136; III, 66.

⁶⁰ В. Bolz. Ук. соч., стр. 76.

«Насколько мне известно, после той войны, которую завершил Манний Аквиллий в Сицилии, войны с беглыми рабами не было»⁶¹. Здесь же Цицерон говорит, что римские рабовладельцы все же боялись новых выступлений в Сицилии и принимали меры к предотвращению этих восстаний. «Самый же разгар лета... преторы Сицилии всегда проводили в разъездах, считая особенно важным надзор за состоянием провинции тогда, когда хлеб находится на току, так как в эту пору челядь бывает в сборе, рабов легко пересчитать, тяжелый труд вызывает недовольство челяди, обилие хлеба волнует умы, а время года не является помехой»⁶². И дальше: «Распоряжения преторов и строгость владельцев предотвращают опасность мятежей рабов»⁶³. Не только власти, но и каждый рабовладелец строгими мерами должен обеспечивать спокойствие римского государства. Из речей Цицерона против Верреса явствует, что в Сицилии было далеко не спокойно⁶⁴. Несмотря на жестокую расправу после второго сицилийского восстания, рабы Сицилии готовы были подняться на новое восстание, и римским рабовладельцам приходилось все время внимательно следить за настроением рабов и принимать меры к предотвращению их выступлений. О состоянии Сицилии в период восстания Спартака пишет и Плутарх. «Очень мало нужно было горячего, чтобы зажечь вновь войну в Сицилии»⁶⁵.

Восстания рабов были всегда и везде опасны для римлян, в провинциях же особенно. Цицерон откровенно излагает точку зрения римлян на провинции как источник доходов. «Азия в течение многих лет, во время войны с Митридатом, вам доходов не приносила, с обеих Испаний мы, во время Сертория, никаких податей не получали. Городским общинам Сицилии во время войны с беглыми рабами Манний Аквиллий даже дал хлеб займообразно»⁶⁶. Любое движение в провинциях лишало римскую казну доходов, и римское правительство принимало все меры к предотвращению или ликвидации провинциальных восстаний.

О постоянном недовольстве провинций свидетельствуют многочисленные факты. Цицерон неоднократно говорит о

⁶¹ Cic., 2 Verr., V, 5.

⁶² Cic., 2 Verr., V, 29.

⁶³ Cic., 2 Verr., V, 8.

⁶⁴ См. А. А. Мотус. Из истории восстания Спартака. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 68, Л., 1946.

⁶⁵ Plut., Crass., 10.

⁶⁶ Cic., II Lex agr., XXX, 83.

враждебности провинций Риму⁶⁷. Нередки случаи убийства римских должностных лиц⁶⁸. Что это не единичные случаи, доказывает наличие римского закона, упомянутого Цицероном: «городу, в котором нанесено какое-либо оскорбление легату римского народа — не говоря уже о том, если его осадили в его доме и угрожали ему огнем и мечом и всякого рода насилеиом, — этому городу объявлялась война, против него открывались враждебные действия»⁶⁹. Страх перед жестокой расправой должен был быть гарантией безопасности римской провинциальной администрации. Но даже самые суровые меры не спасали Рим от восстаний провинций.

Восстания в провинциях были обычным явлением. Цицерон пишет брату: «В городах никаких восстаний, никаких раздоров... в Мисии прекращения разбой; во многих местах положен конец убийствам; во всей провинции мир; не только знаменитые грабежи на дорогах и в сельских местностях, но гораздо более частые и крупные в городах и храмах уничтожены... Нам, я полагаю, нечего опасаться... ни отпадения союзников... ни восстания войска... Тебе дан полный мир, полное спокойствие»⁷⁰. Цицерон утешает брата тем, что ему дана в управление спокойная провинция, но перечисление восстаний, прабержей и разбоя, которые имели место до этого в Азии, подтверждает, что восстания и другие формы недовольства в провинции были постоянной опасностью для римского государства.

О восстаниях в провинциях Цицерон упоминает только в связи с его личными делами и делами близких ему лиц. Так, о событиях в Иллирии и Далмации мы узнаем из переписки Цицерона относительно его беглого раба.

Раб Цицерона Дионисий, смотревший за его библиотекой, бежал и нашел убежище в провинции Иллирия. В «Александрийской войне» дается такая характеристика этой провинции: «Иллирия была отчасти опустошенная, отчасти неверная». Она «была вконец опустошена происходившей по соседству войной и внутренними раздорами»⁷¹. Цицерон пишет осенью 46 г. до н. э. наместнику Иллирии Сульпицию Руфу о бегстве раба и просит поймать его и вернуть ему⁷². На другой под с

⁶⁷ Cic., pro Font., XV, 33; XII, 26—27; VI, 12; ad fam., XV, 1 5; IV, 9, 4.

⁶⁸ Cic., 2 Verr., I, 67—70; Bel. Alex., 48, 50.

⁶⁹ Cic., 2 Verr., I, 79.

⁷⁰ Cic., ad Q. fr., I, I, 25.

⁷¹ Bel. Alex., 43, 42.

⁷² Cic., ad fam., XIII, 77, 3.

такой же просьбой он обращается к наместнику 45 г. Публию Ватинию. Из переписки с ним мы узнаем, что далматы выступили против Рима и раб Цицерона бежал в Далмацию. Цицерон желает скорой победы Ватинию. «Да покарают боги далматинцев, которые причиняют тебе неприятности. Но, как тыпишешь, они будут захвачены и прославят твои деяния; ведь они всегда считались воинственными»⁷³. События разворачиваются не так, как предполагали наместник и Цицерон. Первое упоминание о выступлении далматинцев в письмах Цицерона относится к июлю 45 г., в октябре Цицерон желает Ватинию триумфа⁷⁴. В декабре Ватиний пишет: «После назначения молений в мою честь я отправился в Далмацию; шесть городов я взял силой путем осады... Один этот, который был самым крупным, был мною взят уже четвертый раз; ведь я взял четыре башни и четыре стены и всю их крепость, из которой меня выгнали снега, дожди и я, мой Цицерон, был вынужден недостойным образом оставить уже взятый город и отказаться от уже законченной войны»⁷⁵. В январе 44 г. Ватиний снова пишет Цицерону: «Насчет твоего Дионисия я до сего времени ничего не выяснил и тем менее, что далматинский мороз, который выгнал меня оттуда, снова заморозил меня даже здесь. Все же не перестану, пока когда-нибудь не отрою его. Но ты требуешь от меня все трудное... Цезарь до сего времени поступает со мной несправедливо... Ведь если следует ждать, пока я закончу войну, то в Далмации двадцать древних городов, а тех, которые они себе присоединили — больше шестидесяти»⁷⁶.

На основании этих писем нельзя говорить ни о причинах, ни о характере, ни о ходе войны с далматами. Можно констатировать только наличие самой войны, размеры ее и длительность. «Неверность» Иллирии, видимо, была связана с пограничным положением провинции и соседством воинственных далматов, выступавших против Рима.

Аппиан указывает, что после смерти Цезаря Иллирия была почти полностью потеряна для Рима. «Когда же Цезарь был убит, иллирийцы, считая, что вся сила римлян была в Цезаре и с ним погибла, уже ни в чем не повиновались Ватинию, ни в уплате податей, ни в чем другом, когда же он попытался принудить их силой, они напав на него, уничтожили

⁷³ C i c., ad fam., V, II, 3.

⁷⁴ C i c., ad fam., V, 9; V, II, 3.

⁷⁵ C i c., ad fam., V, 10в, 1.

⁷⁶ C i c., ad fam., I, 10а, 1.

пять когорт с их начальником Бебием... Ватиний с оставшимися войсками удалился в Эпидамн»⁷⁷.

Иллирия вместе с Македонией была передана в управление Бруту, но ему некогда было заниматься иллирийскими делами из-за войны с Антонием и Октавианом.

Октавиану после захвата власти пришлось организовать специальную экспедицию для нового завоевания Иллирии. Он направился «против иллирийцев, правивших Италию. Одни из них никогда не были подчинены римлянам, другие отпали во время войны»⁷⁸.

Еще более отрывочны сведения о других восстаниях. Цицерон говорит о больших потерях в войске Писона в Македонии в связи с мелкими стычками с местными племенами⁷⁹. О движении в Испании Цицерон говорит неоднократно. В речи за Корнелия Суллу Цицерон отмечает, что в Испании беспорядки «происходили сами собой»⁸⁰. О непокорности испанцев говорит и Плутарх⁸¹. Упоминает Цицерон и о восстании Сертория⁸². В пятидесятые годы I в. до н. э. движения в Испании не прекращались. В одном из писем Цицерон указывает на восстание в Испании в 56 г. до н. э.⁸³ Квестор Испании 54—50 гг. до н. э. Кв. Каусий Лонгин «был там ранен из-за угла»⁸⁴. А в 47 г., когда Лонгин был пропретором Испании, против него вновь поднялось недовольство⁸⁵. О восстании в Галлии и Сирии до Цицерона доходят только слухи⁸⁶, но в речи за Фонтя Цицерон характеризует Галлию, как провинцию, постоянно враждебную Риму⁸⁷.

Несколько более подробны сведения в письме Целия Руфа из Цизальпинской Галлии о восстании в Лигурии. «Однако за какие преступления на мою долю выпала необходимость обратной поездки в сторону Альп? Из-за того, что итимнийцы взяли за оружие и без больших оснований. Беллиен, раб, выросший в доме Деметрия, который находился там с гарнизоном, захватил, приняв деньги от противной партии, некоего

⁷⁷ А р р., Bel. III yr., 13.

⁷⁸ А р р., Bel. civ., V, 145.

⁷⁹ C i c., ad Q. fr., III, 1, 24; pro Sest., XXXIII, 71.

⁸⁰ C i c., pro Sull., XX, 57.

⁸¹ Plut., Mar., VI.

⁸² C i c., de imp. Pomp., IV, 9—10; 2 Verr., V, 72; pro Font., VI, 14; VII, 16.

⁸³ C i c., ad fam., X, 32, 2.

⁸⁴ Bel. Alex., 48.

⁸⁵ C i c., ad Att., XI, 10, 2; XI, 16, 1, Bel. Alex., 50.

⁸⁶ C i c., ad fam., VII, 13, 2; VII, 18, 4; XII, 1; VIII, 1, 4.

⁸⁷ C i c., pro Font., I, 12.

Домиция — человека, жившего там и связанного с Цезарем узами гостеприимства, и задушил его. Община взялась за оружие. Туда я должен отправиться через снег с четырьмя когортами»⁸⁸. Но и из этого письма неясно, что послужило причиной восстания общины, какие требования выдвигали восставшие, т. е. опять кроме самого факта восстания и необходимости послать на подавление его военные силы и причастности к этому восстанию раба ничего сказать нельзя.

Довольно много места в переписке Цицерона занимает описание восстаний в Киликии во время его наместничества. Еще в 55 г. его предшественнику Ленгулу пришлось воевать с местными непокоренными племенами и восставшими⁸⁹, за что он был провозглашен императором⁹⁰. В 52 г. звание императора получил Аппий Клавдий Пульхр⁹¹. В августе 51 г. Цицерон пишет Аттику: «выежаю из Лаодикеи в Ликаонию, в лагерь. Оттуда думаю к Тавру, чтобы, сразившись с Мерагеном, решить насчет твоего раба, если это окажется возможным»⁹². Мераген — предводитель разбойников в горах Киликии, у которого скрывался беглый раб Аттика. Горы Киликии были надежным убежищем для всех, кто выступал против римлян.

В сентябре 51 г., после получения известия о движении парфян, Цицерон доносит в Рим сенату и консулам: «Киликия будет более надежной, если и она узнает мою справедливость. И по этой причине, и чтобы подавить тех из киликийских племен, которые взялись за оружие, и чтобы тот враг, который находится в Сирии, знал, что по получении этих известий войско римского народа не только не отходит, но даже подходит ближе, я решил вести войско к Тавру»⁹³. Цицерон неоднократно говорит о ненадежности Киликии и борьбе местных племен с оружием в руках против римлян. Он называет киликийцев исконными врагами римлян. Видимо, киликийцы часто выступали против римского господства, чем и объясняется такая характеристика Цицерона. Упроба парфянского вторжения создавала благоприятную обстановку для выступления покоренных народов против римлян. Выступление киликийцев облегчалось еще тем, что в Киликии были племена, не покоренные Римом, и их борьба против Рима вселяла надежду и му-

⁸⁸ Cic., ad fam., VIII, 15, 2.

⁸⁹ Cic., ad fam., I, 8, 7.

⁹⁰ Cic., ad fam., I, 9, 2.

⁹¹ Cic., ad fam., III, 10, 1.

⁹² Cic., ad Att., V, 15, 3.

⁹³ Cic., ad fam., XV, 1, 3.

жество в жителей провинции. Цицерон объясняет Катону, что город Пинденисс «был населен теми, кто никогда не повиновались даже царям, и так как они принимали беглых и с великим нетерпением ожидали прихода парфян, то я счел, что для авторитета моей власти важно подавить их дерзость, чтобы тем легче сломить прочих, враждебно относившихся к нашей власти»⁹⁴. Против горных племен Киликии, восставших против Рима, Цицерон со всей своей армией ведет настоящую войну по всем правилам римского военного искусства⁹⁵. В письме к Аттику⁹⁶ Цицерон подробно освещает военные действия. Двумя приступами Цицерону и его легату Помпину удалось взять лагерь, «укрепленный сильнейшим образом». Римляне истребили, по словам Цицерона, «великое множество врагов», разграбили и опустошили Аман.

Через несколько дней об этих же событиях Цицерон пишет Катону. Из этого письма видно, что в военных действиях против Амана действовали все четыре легата Цицерона. Римляне взяли и разорили несколько селений. Цицерону удалось обмануть врага видимостью отступления и внезапно напасть на него. «Сокрушили большую часть ничего не подозревавших врагов, которые были убиты и взяты в плен»⁹⁷. Цицерон описывает методы, какими он приводил к покорности население. «После таких действий мы на четыре дня расположились лагерем у подножья Амана... и провели все это время, разрушая остатки Амана и опустошая поля на той части этой горы, которая относится к моей провинции»⁹⁸.

Победа Цицерона была далеко не полной. Бибул в сосед-

⁹⁴ Cic., ad fam., XV, 4, 10. Л. С. Ильинская опровергает установившуюся в литературе (Т. Моммзен, Г. Ферреро, Х. Хескелл, Д. Мейджи) точку зрения, что военные действия Цицерона были незначительными карательными экспедициями против разбойников, и считает, что Цицерону пришлось вести упорную, кровопролитную борьбу. (Л. С. Ильинская. Литературное наследие Цицерона как источник для изучения положения малоазиатских провинций Рима в конце республики. — ВДИ, 1966, № 3, стр. 159—161.) А. Г. Бокшанин в связи с рассмотрением военных действий римлян против парфян говорит о роли в них Цицерона, который со значительной по тому времени армией в 27,5 тыс. чел., поддерживая операции Гая Кассия в Сирии, занял горные переходы Аманского хребта и готов был перейти в наступление. Затем для укрепления римских позиций в провинции Киликии счел необходимым ликвидировать независимость горных племен Амана. (А. Г. Бокшанин. Парфия и Рим, ч. II. Изд. МГУ, 1966, стр. 62—67).

⁹⁵ Cic., ad fam., XV, 4, 10.

⁹⁶ Cic., ad Att., V, 20.

⁹⁷ Cic., ad fam., XV, 4, 6.

⁹⁸ Cic., ad fam., XV, 4, 9.

ней Сирии «пожелал сравниться со мной в этом пустом звании (императора) и начал военные действия на том же Амане, потерял всю первую когорту»⁹⁹. Цицерон доволен неудачей своего соседа. В этом соперничестве наместников, в отсутствии согласованных действий, видимо, крылась еще одна причина, почему римляне не могли подавить сопротивление киликийцев.

Дальше идет описание военных действий против элевтерокиликийцев.

В письме Аттику Цицерон описывает военные действия против этих непокоренных племен. «Эти дикие и храбрые люди, вполне подготовленные к обороне»¹⁰⁰. Цицерон осаждает Пинденисс: «Мы окружили город валом и рвом, огромной насыпью, навесами, установили очень высокую башню, множество метательных орудий и расставили многочисленных стрелков; с большим усилием и подготовкой, потеряв много раненых, но без урона для войска, мы завершили дело. Сатурналии оказались радостными также для солдат, которым я отдал всю добычу, кроме лошадей. Рабы были проданы на третий день Сатурналий. Когда я пишу это, выручка на торгах доходит до 12 000 000 сестерциев. Поручаю брату Квинту отвести отсюда войско на зимние квартиры в недостаточно усмиренную местность; сам я возвращаюсь в Лаодикиею»¹⁰¹. Несмотря на все успехи, Цицерон вынужден признаться, что провинция не была усмирена.

Катону Цицерон почти теми же словами, что и Аттику, рисует ход боя под Пиндениссом, говорит о большой трудности осады. Несмотря на всю военную технику, римляне смогли взять город только после двухмесячной осады. В письме говорится и о результате этой победы. «После того как все части города были разрушены или подожжены, жители оказались вынуждены отдаться под мою власть. Соседями их были тебарцы, такие же, как они, преступные и дерзкие; взяв Пинденисс, я принял от них заложников»¹⁰².

Через месяц после отправки этих писем Цицерон сообщает Аттику, что раба его найти не удалось. «Никаких следов Теренция я не нашел. Мераген, несомненно, погиб; я проехал через его владения, в которых не осталось ни одной живой

⁹⁹ Cic., ad Att., V, 20, 4.

¹⁰⁰ Cic., ad Att., V, 20, 5.

¹⁰¹ Cic., ad Att., V, 20, 5.

¹⁰² Cic., ad fam., XV, 4, 10.

твари»¹⁰³. В конце своего наместничества Цицерон пишет: «В Тарс я приезжал в июньские ноны. Там много встревожило меня: большая война в Сирии, большой разбой в Киликии»¹⁰⁴. Следовательно, на основе переписки можно говорить, что волнения в Киликии продолжались по меньшей мере с 55 по 50 гг. до н. э. Вряд ли они прекратились и после отъезда Цицерона, но они уже не интересовали его.

Даже из отрывочных сведений Цицерона очевидно, что восстания имели место в Испании, Галлии, Иллирии, Македонии, Азии, Сирии, Киликии (7 провинций из 13). Письма, в которых они упоминаются, датируются 59, 55, 54, 51—49, 47, 45—43 гг. до н. э. (время переписки. Можно предположить, что они были до и после, но не нашли отражения в произведениях Цицерона). Уже по этому можно судить, как часто поднимались восстания в провинциях. Ни о социальном составе, ни о программе восставших ничего сказать нельзя. Несомненно, что эти движения носили антиримский характер и временами приобретали характер организованной военной борьбы против римлян. Восставшие строили укрепления и оказывали упорное сопротивление римской армии. Все эти движения были небольшими и сравнительно легко подавлялись римлянами, но они свидетельствовали о том, что провинциалы пытались с оружием в руках бороться против римского господства.

Интересно, что почти каждое упоминание о восстании у Цицерона связано с рабами. Рабы бегут от своих господ и находят убежище у восставших, убивают рабовладельцев и поднимают восстание.

В рабовладельческом Риме любое выступление против господствовавшей аристократической верхушки в той или иной степени было связано с движениями рабов. Переписка Цицерона как раз и дает возможность установить эту связь.

Т. П. КАЦ

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ О КОЛОНИЗАЦИИ САРДИНИИ

Сардиния в силу своего географического положения и естественных богатств с древнейших времен привлекала к себе внимание различных народов. Здесь скрещивались интересы

¹⁰³ C i c., ad Att., VI, I, 13.

¹⁰⁴ C i c., ad Att., VI, 4, I.